Central and Eastern European Online Library

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА БЕЛАРУСКИХ И УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ, ПРИСОЕДИНЕННЫХ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ

«THE LINGUISTIC FACTOR OF INTERCULTURAL COMMUNICATION ON THE BELORUSSIAN AND UKRAINEAN TERRITORIES INCORPORATED INTO THE RUSSIAN EMPIRE»

by Andrei Vladimirovici Portnov

Source:

Studia Universitatis Babes-Bolyai - Philologia (Studia Universitatis Babes-Bolyai - Philologia), issue: 1 / 2009, pages: 41-44, on www.ceeol.com.

STUDIA UNIVERSITATIS BABEŞ-BOLYAI, PHILOLOGIA, LIV, 1, 2009

ЯЗЫКОВОЙ ФАКТОР МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ НА БЕЛАРУСКИХ И УКРАИНСКИХ ЗЕМЛЯХ, ПРИСОЕДИНЕННЫХ К РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ ПОСЛЕ РАЗДЕЛОВ РЕЧИ ПОСПОЛИТОЙ (до середины XIX в.)

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОРТНОВ*

ABSTRACT. ***The Linguistic Factor of Intercultural Communication on the Belorussian and Ukrainean Territories Incorporated into the Russian Empire after the Division of Reci Pospolitoi (up to the middle of the XIXth century).*** Polylinguistic situation in the former Polish provinces incorporated into the Russian Empire after the Partitions of Poland 1772, 1793 and 1795, the coexistence of Polish, Russian, Latin, Church Slavonic, Idish and local peasants vernaculars reflected the common for Eastern Europe interplay between religious and language diversity with social differences. Until mid 19th century the language factor in Russian Empire policy never played any crucial role. But nevertheless the ethno-cultural understanding of the nation during the 19th century replaced the dynastic and estate one. And despite the coincidence of social and language division lines the language coexistence resulted in the formation of local (kresowy) dialects of Polish.

Keywords: *intercultural communication, religious diversity, language diversity, dialects of Polish.*

Языковая ситуация первой половины XIX в. на землях, присоединенных к Российской империи после трех разделов Речи Посполитой 1772, 1793 и 1795 гг. освещена в исторической литературе достаточно фрагментарно. Интересные наблюдения приведены в статьях О. Остапчук [1] и С. Сяльвестровой [4]. Многоязычие недавних восточных окраин Речи Посполитой, превратившихся в западные рубежи Российской империи, отражало достаточно типичное для Восточной Европы наложение религиозных и языковых отличий на отличия социальные. Как сформулировал в изданных в 1809 г. “Волынских записках” Степан Руссов: “Каждое почти состояние составляется из особой нации”: шляхта – из поляков, купцы и мещане – из евреев, а “все Россияне суть земледельцы”, пребывающие “в неусыпных трудах и глубоком неведении” [2: 79-80, 183].

Польський язык и после исчезновения Речи Посполитой был языком официальной сферы, образования и судопроизводства, изящной словесности, римо- и греко-католической проповеди. Русский язык сначала очень деликатно оспаривал это первенство, постепенно утверждаясь в качестве языка делопроизводства и позже – образования. Местные белорусские и украинские наречия практически не выходили за пределы крестьянской устной культуры, правда, оказывая влияние на польский язык элит. Идиш был языком многочисленного еврейского населения, в силу своей

* Andrei Vladimirovici Portnov, Dr., Scientific Researcher, Institute of European Reasearch within the National Academy of Science in Ukraine – aportnov2001@yahoo.com

роли посредников, как правило, владевшего и местными языками и наречиями. Церковнославянский язык и латынь использовались, соответственно, в православном и католическом богослужении, латынь также была представлена в сфере образования. Наконец, знание западноевропейских языков (прежде всего, французского) открывало элитам доступ к европейской культуре и российскому двору (Адам Чарторижский неслучайно сетовал в своих письмах, что в аристократических кругах Петербурге ему не с кем практиковаться в русском разговорном языке). Данная языковая палитра (представленная нами, за неимением места, очень схематично) была далека от идиллического образа братских языков, обнявшихся как "дети в колыбели" [12: 14]. Мое сообщение и является попыткой освещения некоторых сторон проблемы "язык и политика" или, точнее, "язык в политике первой половины XIX в.", описания польско-российского противостояния в языковом вопросе в контексте конкурирующих легитимизаций своих прав на регион.

После разделов политика России на новоприсоединенных территориях исходила, прежде всего, из сохранения "тишины и порядка", т.е. существующих социальных и правовых установлений. Отметим, что к концу XVIII в. на просторах всей Речи Посполитой сформировалась концепция польской шляхетской нации, подчеркивающая обособленность шляхты от других сословий. Что касается России, то в начале XIX в. сословно-династическая абсолютная монархия совершенно не проявляла интереса к языковому вопросу, тем более, если речь шла о языке крепостных крестьян (большая роль отводилась религии, но и тема притеснений православных была скорее тактическим инструментом политики).

В целом, до середины XIX в. российская администрация практически не вмешивается в предприятия польской шляхты, в частности, образовательные. Историографической аксиомой стало утверждение о решающей роли Виленского учебного округа, его попечителя Адама Чарторижского и визитатора Тадеуша Чацкого в распространении польского образования. И, хотя в абсолютном большинстве своем, все эти усилия касались шляхты, виднейшие польские интеллектулы уже тогда осознали важность просвещения народных масс. Гуго Коллонтай обращал внимание, что наиболее кровопролитные бунты в истории Польши вспыхивали именно в провинциях с украинским крестьянским населением, констатировал, что "самая разница календаря, язык и литература для непросвещенного народа есть и будут источниками ненависти, непонимания и зверств" [10: 156] и призывал основать на Украине несколько университетов и срочно заняться образованием православных священников. В тоже время, Коллонтай был противником преподавания на русском языке в парафиальных школах, убеждая, что простолюдины и так знают русский настолько, что могут говорить с "родовитым Россиянином", а издав учебники на этом языке, "мы" (т.е. польськая шляхта) добилась бы только того, что перестала бы понимать своих подданных [11: 334].

Русский оставался на маргинесе и школьного, и университетского образования до 1830-х гг. В 1808 г. он вообще не изучался в 11 школах виленской, 6 гродненской, 6 минской, 2 волынской, 2 могилевской губерний [9: 361]. Настороженное, а часто и враждебное, отношение к этому предмету и его преподавателям также играло не последнюю роль. Даже приехавшие учителя из России (в основном, преподавателями были местные поляки) нередко полонизировались, а Министерству

народного просвещения оставалось лишь периодически констатировать “малые успехи” в изучении русского [3: 240].

Активизация российской политике в языковом вопросе на западных окраинах империи приходится на середину XIX в. Стимулами к этому были опыт наполеоновской кампании и польськое восстание 1830-31 гг., а шире – идущие из Западной Европы идеи и практики “национализации” населения как механизма более эффективной мобилизации ресурсов страны. Россия, как кстати и польские элиты, оказалась вынуждена искать механизмы перехода от сословного к этно-культурному самоопределению. А, следовательно, и свое владение западными окраинами она начинает легитимизировать в категориях этнического и языкового родства со “своим” крестьянским населением, противопоставляемым “чужой” польской шляхте.

Если в конце XVIII в. российская официальная документация, с рескриптами Екатерины II включительно, воспроизводит польскую фонетику в названиях географических объектов (“Хелм”, “Бржестского повета”), то после подавления Январского восстания выходит серия репрессивных по отношению к польскому языку указов, которые, правда, очень медленно внедряются в жизнь. В 1839 г. Киевский, волынский и подольский генерал-губернатор призывал чиновников земских и гродских полиций объясняться между собой по-русски, ибо “только тогда они смогут считатья полезными здесь на службе, когда... они будут оставаться по душе, по сердцу, по языку и образу мыслей чисто русскими” [7: 1]. В канцелярии генерал-губернатора за тот же 1839 г. хранится дело о запрещении ведения на польском делопроизводства в дворянских собраниях Киевской губернии; за 1842, затем 1845 и снова 1847 гг. – дела о смене вывесок с польскими надписями на русские (при чем, смене незаметной и будто-бы естественной [6: 1]); за 1859 – о запрещении “применять польский алфавит” при печатании книг на белорусском языке [5: 225]; за 1863 – о запрещении чиновникам гражданского ведомства Киевской губернии употреблять на службе польскую речь [8: 1-3].

Таким образом, до середины XIX в. языковой фактор в политике России на западных окраинах не играл ключевой роли. Империя отдала инициативу польским элитам и включилась в борьбу за языковое присвоение региона уже в 1830-е гг. Важно при этом отметить, что несмотря на совпадение социальных и языковых разделительных линий, сосуществование не могло не повлиять на языки – формируются кресовые диалекты польского, особый вариант литературного польского языка, польськие, белорусские и украинские элементы впитывает в себя идиш. В целом же, в описываемый период языковое и этнокультурное понимание нации постепенно вытесняет сословное, происходит перегруппировка элементов идентичности – одни из них (язык, религия) выходят на первые роли, другие (сословность) отходят на второй.

АНДРЕЙ ВЛАДИМИРОВИЧ ПОРТНОВ

ЛИТЕРАТУРА. ИСТОЧНИКИ

1. Остапчук О. Язык и идентичность в ситуации полилингвизма: Правобережная Украина в первой трети XIX в. // Беларусь и Украина. История и культура: Ежегодник. 2004. М., 2005. С. 227-252.
2. Руссов С. Волынские записки. Санкт-Петербург, 1809.
3. Сборник распоряжений по Министерству народного просвещения. Санкт-Петербург, 1866. Т. 1.
4. Сяльвестрова С. Паміж Польшчай і Расіяй: Моўная сітуацыя ў Беларусі ў канцы XVIII - XIX ст. // Беларусіка-6. С. 123-132.
5. Центральный государственный исторический архив Украины, Киев. [ЦГИАУК]. Ф. 293. Оп. 1. Д. 398.
6. ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 792а. Д. 204.
7. ЦГИАУК. Ф. 442. Оп. 789а. Д. 330.
8. ЦГИАУК. Ф. 707. Оп. 29. Д. 177.
9. Beauvois D. Szkolnictwo polskie na ziemiach litewsko-ruskich. 1803-1832. Rzym-Lublin, 1991. T. 2.
10. Kołłątaj H. Listy Anonima i prawo polityczne narodu polskiego. Warszawa, 1954. T. 2.
11. Kołłątaj H. Korrespondencja listowna z Tadeuszem Czackim. Kraków, 1844. T. 2.
12. Kraszewski J.I. Polska w czasie trzech rozbiorów: 1772-1779. Poznań, 1873. T. 1.